

Э. Шмитт, Й. Хиннер, А.И. Подольский

Образы старости и идентичность в диалоге поколений¹

Статья посвящена рассмотрению идентичности и образов старости, их роли в социальных взаимодействиях и жизни общества, а также возможностям трансформации. Раскрываются четыре аспекта образов старости: общие представления, мнения и убеждения в отношении протекания и преобразования процессов старения; самооценка собственного процесса старения; мнения и убеждения, связанные с предполагаемыми характерными качествами пожилых людей; мнения и убеждения о предполагаемых потребностях, запросах и требованиях пожилых людей. Рассматриваются различные представления об идентичности, в том числе идентичности пожилых людей. Представлена информация о проекте «Социальная активность и ответственность пожилых людей в Восточной Европе».

Ключевые слова: психологическое развитие в преклонном возрасте, образы старости, генеративность, стереотипы старения, нарративная идентичность, самопринятие, автобиография, Вторая мировая война, постсоветское общество.

Данная статья имеет целью познакомить читателей с исследовательским проектом, выполняемым в рамках сотрудничества Института геронтологии Гейдельбергского университета и Фонда «Память, ответственность, будущее», которое началось в 2008 г. на основе интереса Фонда к перспективам, открывающимся в результате исследований 1990-х гг., проведенных учеными института и посвященных изучению

¹ Перевод с немецкого языка.

жизненных обстоятельств, жизненных ретроспектив, социальной и личной идентичности жертв нацизма (узников гетто, заключенных концентрационных лагерей и др. [31, 32, 48–50]).

В соответствии с запросами Фонда, инициировавшего крупномасштабный проект «Место встречи – диалог»¹, сотрудничество Фонда и института ставит перед собой в качестве первоочередной цели критическое рассмотрение истории национал-социализма, способствуя на этой основе взаимопониманию народов. Указанную цель можно конкретизировать в нескольких контекстах:

1. Посредством поддержки, внедрения и проведения мероприятий, объединяющих разные поколения в России, Украине, Белоруссии для содействия тому, чтобы судьбе жертв нацизма (в частности, лиц, угнанных из указанных стран в Германию на принудительные работы) воздавалось должное, чтобы индивидуальный опыт жертв и связанный с ним потенциал мог быть воплощен на пользу общества.

2. Посредством оценки мероприятий, предназначенных для стимулирования диалога между поколениями, определить насколько он успешен и, в частности, не противоречит ли он личным и общественным интересам жертв нацизма. Здесь необходимо предусмотреть возможные посттравматические последствия и проблемы, связанные с самоуважением, которые могут возникнуть в контексте рассмотрения собственной биографии и/или в контексте передачи жизненного опыта.

3. Посредством внедрения идей, содержаний и результатов различных проектов в национальные и международные научные и политические обсуждения способствовать тому, чтобы судьба, достижения и потенциал жертв нацизма получили должное освещение и уважение.

В контексте реализуемого Фондом «Память, ответственность, будущее» проекта «Место встречи – диалог» в Белоруссии, России и Украине получают разнообразную поддержку региональные инициативы, от которых можно ожидать, что они положительно скажутся на представлениях о старении и идентичности (и таким образом, опосредованно – на генеративности и социальной активности) различных поколений. Ниже мы рассмотрим различные представления, лежащие в основе научного сопровождения указанного совместного проекта,

¹ Подробная информация на сайте Фонда: <http://www.stiftung-evz.de>; <http://www.stiftung-evz.de/rus>.

касающиеся образов старости, старения и идентичности, опишем основополагающие предпосылки и отправные точки возможностей изменения представлений о старости, старении и идентичности. Также ниже приведен краткий обзор тех региональных инициатив и проектов, которые в настоящее время финансируются Фондом «Память, ответственность, будущее» и научно сопровождаются Институтом геронтологии, который осуществляет также их экспертизу.

Образ старости

При общении с людьми мы ориентируемся не только на наше знание об их индивидуальных особенностях, сильных и слабых сторонах. По предполагаемой принадлежности человека к тем или иным социальным слоям или группам мы делаем предположения о наличии специфических, характерных черт, которые влияют на наше дальнейшее восприятие, интерпретацию и оценку этого человека так же, как и наш выбор целей коммуникации, планирования и осуществления социального взаимодействия. Это знание является основой классических и современных социально-психологических и геронтологических исследований стереотипов [29]. Как и относительно общего понятия стереотипа, в отношении понятия образа старости существует множество конструктов, которые в него включают в зависимости от употребления — мнения, убеждения, установки, как культурно обусловленные, специфические для определенной группы, так и индивидуальные [17, 41].

Понимание образа старости можно рассматривать как минимум в четырех аспектах:

- как общие представления, мнения и убеждения в отношении протекания и преобразования процессов старения;
- как самооценку собственного процесса старения;
- как мнения и убеждения, связанные с предполагаемыми характерными качествами пожилых людей;
- как мнения и убеждения о предполагаемых потребностях, запросах и требованиях пожилых людей.

В качестве *общих представлений, мнений и убеждений в отношении протекания и преобразования процессов старения* (age stereotypes — возрастные стереотипы) образ старости имеет важное значение для прогнозирования, восприятия, интерпретации и решения задач развития [18], для индивидуальной динамики целеполагания, реализации и смены целей [7], а также для создания и преобразования или избегания

специфических контекстов развития и использования существующих возможностей развития [8, 30]. В этом контексте образу старости приписывается значение «нормативного знания о развитии» [25] в смысле предполагаемого достоверного знания о возникновении и последствиях характерных изменений социальных ролей, биологических и физиологических показателей, психологических характеристик, о связанных с этими изменениями общественным мнением и ожиданиями, задачами развития, а также о связанных с данными ожиданиями и задачами возможностях [28]. Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о том, что такого рода когнитивные представления о старости и старении связаны с устойчивостью к факторам риска [46, 47] и влияют на состояние здоровья в процессе развития [33]. Анализ данных, полученных в рамках исследования ILSE (междисциплинарный лонгитюд, направленный на исследование зрелых возрастов и условий удовлетворительного и здорового старения), свидетельствует о связи восприятия возможностей и ограничений активного участия и ответственности за жизнетворчество, а также готовности к проявлению своей гражданской позиции и активности, с выраженностью отдельных элементов когнитивных представлений о старости и старении [29].

Образ старости в качестве самооценки собственного процесса старения (aging self-stereotypes – стереотипы восприятия себя в старости (Levy)) имеет большое значение для субъективного благополучия, субъективного контроля, развития физической и духовной работоспособности и социальной активности. В лонгитюдном исследовании пожилого возраста и старения, проведенном в штате Огайо (Ohio Longitudinal Study of Aging and Retirement), те респонденты, которые в 1975 г. описывали собственные процессы старения более позитивно, к 1995 г. показывали более удовлетворительное функциональное состояние здоровья, по сравнению с респондентами того же возраста, пола, объективного состояния здоровья, достатка, социальной интеграции, этнической принадлежности и социо-экономического статуса, которые указывали на менее позитивное самоотношение в аспекте старения [35]. Этот эффект может быть частично объяснен тем, что положительное отношение к собственному старению способствует интернальному локусу контроля и поддержанию здорового образа жизни. Более того, позитивное самоотношение к собственному старению через 23 года было связано с возрастанием средней продолжительности жизни на

7,5 лет. В этой связи оценка собственной жизни и связанная с ней жажда жизни выступили важными медиаторами.

В качестве *мнений и убеждений, связанных с предполагаемыми характерными качествами пожилых людей*, образ старости определяет, насколько люди в обыденном взаимодействии соотносят свое поведение с возрастом партнера, какие установки и возможности они предполагают у своего визави и насколько конкретные поступки пожилых людей интерпретируются как специфические установки, способности или специфическая неспособность, недостаток. Образы старости сопутствуют особые ролевые ожидания, которые в отдельных ситуациях могут представлять существенный барьер для применения и расширения индивидуальных способностей, умений и навыков для удовлетворения собственных потребностей, запросов и предпочтений. На основании модели Райана (CRA-Modell [43]) можно утверждать, что постоянное речевое подстраивание [12] во взаимодействии между представителями разных возрастов имеет отрицательные, даже фатальные последствия. Стиль взаимодействия, учитывающий возможные ограничения, в результате приводит к ощущению утраты контроля со стороны пожилого человека, что в свою очередь приводит к регрессивным процессам в социальной жизни, в физическом и эмоциональном функционировании [22, 23]. Гуммерт [26] продолжила разработку данной модели и интегрировала результаты изучения оснований для выделения прототипов в исследованиях стереотипов, касающихся старения и старости, в собственную модель активации. Следуя этой модели, наблюдать подстраивание речевого поведения можно только в том случае, если активируются специфические прототипы пожилых людей. В исследовании Харвуда и Вильямса [24] удалось продемонстрировать, что ожидания от общения с пожилыми людьми варьируют в зависимости от актуализированного на определенный момент времени прототипа. Однако при этом общие установки относительно старости и старения оказались для прогнозирования ожиданий относительно процесса общения разных поколений между собой значительно более весомыми показателями, по сравнению с видом прототипа. Одной лишь категоризации пожилых людей в области специфических прототипов оказалось недостаточно для оформления речевого поведения в ситуации общения между поколениями.

Образ старости как *совокупность мнений и убеждений о предполагаемых потребностях, запросах и требованиях пожилых людей*

оказывает влияние на создание и функционирование социальных институтов и институциональной практики. Образ старости таким образом способствует общественному определению норм поведения и распределению ресурсов, а также развитию и использованию потенциала и представлений о солидарности и равноправии поколений. Наличие разнообразия образов старости как независимая переменная научного сопровождения предполагает, что общие представления, мнения, убеждения относительно старости и старения, а также ожидания от процесса собственного старения и более или менее характерные для общественного сознания убеждения, в принципе, могут быть изменены, поскольку они представляют собой не прямое отражение реальности, а лишь одну из возможностей конструирования реальности, которая в условиях направленности общества на более полноценное использование потенциала, по сравнению с альтернативными конструктами, кажется менее приемлемой [14, 19, 21].

Идентичность

Использование понятия «идентичность» в социальных науках многозначно и частично даже порой противоречиво. Категория «социальной идентичности» существует в социальной психологии вот уже более 30 лет и до сих пор является центральным понятием в объяснении возникновения межгрупповых конфликтов и дифференциации групп по признаку «свой/чужой», для которой характерно предпочтение собственной группы по отношению к другим группам. Социальная идентичность в определении Генри Тайфеля [52] предстает как часть Я-концепции индивида, которая развивается исходя из его знания о принадлежности к определенной социальной группе (или группам) и связана с ценностью и эмоциональным значением участия в данной группе. В понимании данной теории Я-концепция охватывает, помимо социальной идентичности, иные аспекты, которые можно обозначить как «личную идентичность», которые, однако, для анализа социальных феноменов кажутся менее значимыми. В то время как идентичность в понимании теории социальной идентичности отражает прежде всего социальные процессы, а именно процессы социальной категоризации, в теориях психологии развития в определениях понятия идентичности большое внимание уделяется индивидуальному жизненному пути.

В теории Эрика Эриксона [15] идентичность как непосредственное восприятие самотождественности во времени и связанное с этим понимание, что и другие обнаруживают эту самотождественность и непрерывность, основывается на постепенном субъективном осознании самотождественности и неповторимости в процессе прохождения различного рода социального опыта, или в психоаналитической терминологии – надстраиваемой интеграции идентификаций в единую динамическую структуру. Важнейшими аспектами понимания Эго-идентичности Э. Эриксона являются следующие: а) идентичность стоит понимать менее в смысле новых достижений, но более – в смысле каждый раз вновь создаваемого и поэтому актуального достижения интеграции, б) идентичность в большой степени сформирована на основе предполагаемых или реальных точек зрения и оценок других людей, в) идентичность имеет характер не исключительно личный, но всегда связана с обществом. При этом вопрос Эго-идентичности встраивается в контекст характерных возрастных кризисов, специфичных для каждой возрастной стадии. Согласно концепции Дж. Марсия [36], идентичность предстает как внутренняя, самостоятельно сконструированная динамическая организация влечений, способностей, убеждений и индивидуальной истории. При этом процессу развития идентичности и достижениям, необходимым для ее развития, уделяется большее внимание, чем результату этого развития, который в определении Э. Эриксона выступает на первый план.

В социологических определениях идентичности наиболее значимыми факторами выступают социальная среда и интернализация общественных норм и ожиданий, подчеркивается социальный характер идентичности. Наиболее ярко это выступает, пожалуй, в метафоре «Я-отраженное», или «отраженное восприятие себя» («Looking-glass-self»), Чарльза Хортон Кули [11], которая призвана выразить идею о том, что индивидуальная идентичность не существует без «отражения социума». Ч. Кули разводит три аспекта идентичности:

- предполагаемое представление обо мне глазами другого (других);
- предполагаемая оценка этого представления;
- эмоциональный отклик на данное представление (например в форме гордости или обиды).

В традиции символического интеракционизма подчеркивается, что идентичность немислима без взаимодействия (интеракций) между

людьми и без общих символов. Так, Дж. Мид [40] предполагает, что идентичность возникает внутри процесса освоения общественного опыта и общественной деятельности, т.е. в отдельном индивиде она формируется как результат его отношения к этому процессу как целому и к другим индивидам в рамках этого процесса. При этом Дж. Мид с опорой на Уильяма Джемса разделяет внешнюю и внутреннюю перспективу Я («Я как тот, кого узнают» и «Я как тот, кто узнает», «self as known» и «self as knower») и делает различие между двумя компонентами Я: «I» («Я-сознающее»), которое гарантирует индивидуальность, самоидентичность и уникальность жизненного пути, и «Me» («Я» — как объект), которое отвечает за социальные ожидания и условности. Эрвинг Гоффман [20] выделяет три аспекта идентичности:

— социальная идентичность как классификация и типологизация одного человека посредством сравнения с другими;

— личная идентичность как характерные «опознавательные», идентификационные признаки человека и его уникальные биографические даты и особенности;

— Эго-идентичность как субъективное ощущение собственной жизненной ситуации и собственной самоидентичности, непрерывности и уникальности, которое индивид постепенно получает в результате различного рода социального опыта. В то время как Дж. Мид выделяет спонтанность «Я-сознающего» («I»), Э. Гоффман описывает более стабильный конструкт Эго-идентичности. Схожую позицию занимают Петер Бергер и Томас Лукман [1]. Согласно данным авторам, обладать идентичностью означает занимать в мире значений определенное место, которое приобретается при присвоении идентичности в процессе первичной социализации и, следует отметить, является стабильным. Лотар Краппманн [27] в своем определении делает акцент на динамичности характера идентичности и подчеркивает, что идентичность является осуществлением постоянно создающихся связей прежних и других частей во взаимодействиях и ожиданиях и потребностей индивида в конкретной ситуации.

Лежащее в основе нашего проекта понимание идентичности можно обобщить в семи основных положениях.

1. В пожилом возрасте не только возрастает вероятность социальных, физических и духовных потерь, оставшееся время жизни воспринимается как ограниченное, что приводит к характерным изменениям когнитивных, эмоциональных, мотивационных процессов. Иерархии

целей и предпочтений изменяются так же, как затраты, связанные с преследованием целей или отказом от них. В рамках этих общих закономерностей особенно важно подчеркнуть, что пожилые люди занимают больше вопросами личной и социальной идентичности [6, 13, 31]. Усилия, направленные на создание Эго-идентичности в пожилом возрасте, проявляются как усилия, направленные на упорядочивание собственной жизни [16].

2. Понятие «идентичность» охватывает как индивидуальные паттерны интерпретации собственной личности и ее развития в смысле ответа на вопрос: «Кто я и чем я отличаюсь от других?», так и оценку личных качеств и собственного развития. Идентичность в пожилом возрасте необходимо рассматривать также во взаимосвязи с удовлетворенностью жизнью, благополучием и субъективным ощущением здоровья.

3. Идентичность личности важно рассматривать не только в связи с переработкой опыта, событий, развития, поскольку, с одной стороны, восприятие собственной личности постоянно адаптируется в соответствии с новым опытом, а с другой – новый опыт может быть интерпретирован исходя из уже имеющихся представлений о собственной личности. Идентичность также следует рассматривать во взаимосвязи с индивидуальными представлениями о локусе контроля и мотивацией преследования собственных целей. В какой степени потенциал пожилого возраста будет осознан и реализован, не в последнюю очередь связано с идентичностью. Вопросы активности, креативности, социального участия и вовлеченности в пожилом возрасте, таким образом, также относятся к идентичности [38].

4. Если рассматривать идентичность не как нечто, что имеется у личности или что приписывается ей, но также в смысле личного достижения, которое выражается в том, что собственное развитие видится как непрерывное и согласованное, то логично предположить, что человеку принципиально представлено на выбор большое количество конструкторов реальности. С одной стороны, существует возможность интерпретировать различные события как значимые или не значимые для идентичности, с другой стороны, события и моменты развития в контексте «регуляции самоопределения» могут либо подстраиваться к уже имеющимся представлениям личности, либо стать поводом для изменения идентичности. С. Уайтборн [53] говорит в этом контексте об ассимиляции и аккомодации идентичности. Из этого следует, кроме

того, что пограничные ситуации не только угрожают идентичности, но могут вызывать существенные процессы в развитии [28].

5. Идентичность возникает в социальном взаимодействии и в социальном взаимодействии обретает свою тему, поскольку идентичность всегда является социально определенной и вырабатывается в социальных взаимодействиях (пусть даже в представлениях об обобщенном другом или посредством влияния «Я как объекта», «Ме», которое представляет общественные ожидания и оценки). Вопрос об идентичности в пожилом возрасте всегда связан с представлениями о старости и с доступностью (или недоступностью) в этом возрасте определенных социальных ролей. В соответствии с этим процессы социальных изменений могут иметь негативные последствия для личной идентичности.

6. Идентичность в смысле самосознания личностью себя и своего развития формируется в большей степени нарративно, т.е. в форме рассказов [38]. События и опыт не сами по себе влияют на развитие идентичности, а скорее выбираются из множества событий и возможностей развития, которые, к тому же, могут быть различным способом интерпретированы и оценены, а затем объединяются и интегрируются в согласованную стабильную историю, которая, начиная с подросткового возраста, становится все более и более «определяющей», если принимается как действующая и как представляющая основу для вплетения и интеграции новых событий.

7. Сконструированная в течение жизни нарративная идентичность в пожилом возрасте может по разным причинам оказаться под сомнением. В рамках психоаналитического подхода, например, предполагалось, что защитные механизмы теряют к старости свою эффективность. Кроме того, болезни и потери могут способствовать необходимости пересмотреть «защитные иллюзии» [9, 10].

Если рассматривать идентичность как важную независимую переменную нашего исследовательского проекта, то она основана на идее о том, что диалоги между поколениями о видении себя и мира, о настоящем и возможном будущем могут способствовать тому, чтобы люди открыли для себя частично новую перспективу, новую точку зрения относительно собственного развития, других поколений и общества, в котором они живут, и тем самым будут содействовать приобретению опыта самоидентичности, самооценности, самопринятия, солидарности и толерантности.

Проиллюстрируем эту идею двумя примерами. В качестве первого примера поясним принципиальную возможность выбора нашего самовосприятия и восприятия мира на примере понимания свободы Ж.-П. Сартром [44]. Хотелось бы отметить, что отраженное в трудах Урсулы Лер и Ганса Томае (Ursula Lehr, Hans Thomae) представление о когнитивных репрезентациях собственного Я», которые содержат в себе актуальный опыт и поведение человека, а также критическое осмысление задач и обязанностей и изменения в переживании и поведении, содержит схожую аргументацию. Кроме того, стоит указать на эффекты техники «рассказанных биографий» или «лечебных мемуаров», которые показывают, что рассуждение об индивидуальном развитии кажется многообещающим не только с точки зрения поддержки идентичности, но и с точки зрения направленности на поддержку толерантности и солидарности.

Итак, обратимся к Ж.-П. Сартру: «...Коэффициент враждебности вещей не может быть аргументом против нашей свободы, так как именно нами, то есть предварительной постановкой цели, вызывается этот коэффициент враждебности. Так, скала, которая оказывает огромное сопротивление, если я хочу ее отодвинуть, будет мне, напротив, ценной опорой, если я захочу на нее забраться, чтобы любоваться пейзажем. Сама по себе скала (если, конечно, по ней можно определить то, чем бы она была сама по себе) нейтральна, то есть она ожидает прояснения целью, чтобы оказать сопротивление или помощь... Несмотря на то, что вещи сами по себе (которые Хайдеггер называет «природными созданиями») могут изначально ограничивать нашу свободу действий, сама свобода предварительно должна конституировать рамки, технику и цели, по отношению к которым они выступят в качестве границ. Если скала окажется «слишком сложной, чтобы подняться» и если нам придется отказаться от подъема, она проявилась такой лишь потому, что ранее воспринималась как «скала, на которую возможно подняться», то есть это наша свобода конструирует границы, с которыми она впоследствии столкнется» [44, с. 834].

На основании этого понимания свободы память является не детальной репродукцией, но креативной реконструкцией: «...Значение прошлого, таким образом, строго зависит от моего настоящего проекта. Это несколько не означает, что я могу произвольно варьировать смысл моих предыдущих действий, напротив, это означает, что основной проект, которым являюсь я сам, без ограничений решает вопрос о

значении, которое может иметь прошлое для меня и для других, которым я должен быть. Только я в любой момент могу принимать решение относительно значения прошлого: это проявляется не в том, что я в каждом конкретном случае оцениваю важность того или иного события прошлого, но в том, что, развиваясь в направлении своих целей, я спасаю прошлое в себе и решаю действием о его значении. Кто решает вопрос о том, был ли мистический кризис на пятнадцатом году жизни для меня лишь проявлением пубертата или, напротив, — первым признаком будущего преобразования? Я решаю, причем в зависимости от того, решу ли я (лет в двадцать или тридцать) преобразиться. Проект преобразования сразу придает подростковому кризису значение предсказания, которое я не принимал всерьез. Кто решает, было ли пребывание в тюрьме после воровства полезно или прискорбно? Я, в зависимости от того, откажусь ли я от воровства или окажусь рецидивистом. Кто может судить об образовательной ценности путешествия, об искренности клятв любви, о чистоте намерений прошлого и т. д.? Я, всегда я, в соответствии с целями, которыми я их освещаю» [42, с. 860—861].

Схожим образом Дж. Мид описывает в своей книге «Философия настоящего» [39] прошлое как ресурс, который люди используют и подстраивают под нужды настоящего: «Мы говорим о прошлом как об окончательном и бесповоротном. Нет ничего, что было бы менее таковым...прошлое (или определенные значимые структуры прошлого) так же гипотетичны, как будущее» [39, с. 12].

Одно из удивительных открытий состоит в том, что наиболее крупные изменения, которые производит личность, касаются ее взгляда на других людей. Эти результаты показывают, что если вы состоите в группе, которая рассказывает друг другу свои жизненные истории, ваши представления о других людях становятся все больше и больше похожи на ваше видение себя. Если вы меняете свое представление о других, чтобы стать более похожим на представление о себе, то вам приемлемее и приятнее станет находиться рядом с другими людьми. «Лечебные мемуары» также способствуют изменениям в себе. Расстояния между Я-идеальным, Я-реальным и Я-отраженным социумом уменьшается.

Я-идеальное, Я-реальное и Я-отраженное социумом в данном случае вводятся как аспекты единого нарративного «Я», «мы-такие-как-мы-говорим-себе-что-мы-есть» («the self we tell ourselves we are»).

Схожим образом Виндл и Вудс [54] рассматривают нарративное Я как психологический ресурс, которые пожилые люди могут использовать в процессе адаптации к изменяющимся жизненным условиям.

Обращение к собственной биографии может привести как к регрессивным процессам, например в смысле неоправданных надежд, так и к процессам роста, например в форме Эго-идентичности [4, 6, 9]. Кроме того, посредством групп воспоминаний, т.е. мероприятий, направленных на обсуждение своего личного развития, можно, с одной стороны, оказывать поддержку идентичности (в смысле самопринятия), а с другой – стремиться к трансформации идентичности (в смысле процессов роста и изменений собственного Я). Для поддержания идентичности зачастую достаточно, чтобы люди без жестких инструкций в доброжелательной атмосфере рассказывали о своем личном жизненном пути развития, поскольку в целом людям свойственно:

- 1) вспоминать преимущественно позитивные события;
- 2) переоценивать эффективность своих действий;
- 3) приписывать собственным достижениям успехи и неблагоприятным обстоятельствам – неудачи.

Если же речь идет о трансформации идентичности, как это часто встречается в терапевтических контекстах и как это может быть необходимо в случае выраженной разницы между индивидуальными и общественными перспективами, группы воспоминаний должны быть *организованы таким образом, чтобы с большей вероятностью прозвучали нетипичные, до этого пропущенные, возможно, даже противоречивые воспоминания*. Поскольку трансформация идентичности, по сравнению с поддержкой идентичности, требует более взыскательного (а частично и более рискованного) имплицитирования воспоминаний, такого рода группы можно проводить лишь под руководством и с супервизией в достаточной степени компетентных специалистов.

Проект «Социальная активность и ответственность пожилых людей в Восточной Европе»

Сотрудничество Фонда «Память, ответственность, будущее» и Института геронтологии Гейдельбергского университета исходит из предположения, что реализация генеративности и социальной активности пожилых людей из Восточной Европы, жизненный путь которых сформировался особым образом под влиянием Второй мировой войны

и преследования режимом сталинизма, является по многим причинам затрудненной и нуждается в поддержке региональных инициатив и проектов в интересах самих пострадавших и в интересах общества в целом. Центральными при этом являются следующие выводы, опыт и предположения:

- Судьбе военнопленных и насильно угнанных на работы в Германию в коллективных представлениях сейчас, как и прежде, дань уважения отдается в недостаточной степени. Среди пожилого поколения присутствует осознание, важное для нарративной идентичности, что потери, страдания и лишения военных лет не пропали зря, поскольку фашистский режим был свергнут, враг в конце концов был повержен. При этом нужно отдавать отчет в том, что частью населения, которую не следует недооценивать, военнопленные и угнанные на трудовые работы воспринимаются не только как непрямые к этому коллективному достижению, но зачастую как лица, отчасти продлившие войну.

- Дань уважения героям войны до распада СССР имела большое значение в историческом сознании, воспитанию которого придавалось большое значение. Так, например, существовала традиция, по которой ветераны войны рассказывали о событиях собственной жизни на уроках в школе. При этом плен и насильственные трудовые работы, хотя и олицетворяли события войны, но при этом без дополнительных усилий и не могли, и не могут быть интегрированы в официальное историческое сознание.

- С распадом Советского Союза молодое поколение на постсоветском пространстве ориентируется все больше на капиталистические ценности и на модель общества, характерную преимущественно для США и Западной Европы. Одновременно с этим коренным образом изменяются и отношения с прежде враждебными государствами. Именно среди молодого поколения возникает вопрос о том, положительным ли образом победа во Второй мировой войне сказалась на развитии страны.

- Многочисленные исследования автобиографической памяти показывают, что события юности и молодости имеют особое значение для нарративной идентичности [2, 5]. Общение по поводу этих событий с молодым поколением с точки зрения пожилых людей чрезвычайно важно, но при этом вследствие серьезных социальных перемен на данный момент существенно затруднено.

• Автобиографические истории во многих случаях полезны, чтобы дополнять исторические сведения, и частично также для того, чтобы их передавать. Польза для последующих поколений состоит при этом в меньшей степени в передаче самих исторических фактов, но больше – в передаче более комплексной, всесторонней перспективы, уточнения значения исторических событий для современности и дальнейшего развития пострадавших [52].

Подготовительный этап исследования

В ходе подготовительного этапа была детализирована программа исследования, направленного на научно-психологическую оценку жизнеописаний, условий и качества жизни целевой группы – старшего поколения избранных регионов России, Украины, Белоруссии. При этом основной акцент делался на пожилых людей, пострадавших от тоталитарных режимов. В основание научного подхода было заложено понимание того, что ни основная целевая группа исследования, ни в целом старшее поколение в трех восточно-европейских странах не должны рассматриваться только лишь в роли жертв, пострадавших от тоталитарных режимов. Мы должны рассматривать их как носителей уникального опыта, который может и должен быть донесен до последующих поколений. В первую очередь это касается в высшей степени эффективной стратегии выживания в невероятно тяжелых условиях (гетто, нацистские концлагеря и т.п.).

Специалистами Гейдельбергского университета были отобраны необходимые методы исследования¹, российскими специалистами были разработаны и апробированы новые методы (для обследования молодежных групп)², проведена адаптация и коррекция всех методик в соответствии с языковой и культурной спецификой контингента, намеченного для исследования, сформированы группы исследователей во всех трех восточно-европейских странах.

¹ 1) Структурированное интервью; 2) Моральная шкала Филадельфийского гериатрического центра (*Lawton M.P. The Philadelphia Geriatric Center Morale Scale. 1975*); 3) *Рифф К.* Шкала субъективного благополучия (*Ryff C.D. Subjective well-being: «Purpose in Life» and «Self-Acceptance», 1995*); 4) *Макадамс Д.* Шкала генеративности (*McAdams Dan P. Scale of Generativity, 1992*); 5) *Антоновский А.* Опросник жизненных ориентаций (*Antonovsky Aaron. Orientation to life questionnaire : Meaningfulness, 1987*).

² *Подольский А.И.* Модифицированная шкала генеративности. М., 2009; *Подольский А.И.* Опросник для молодежной аудитории «Я и пожилые люди». М., 2009.

На этом же этапе был проведен отбор проектов из числа проектов-победителей программы «Место встречи – диалог», финансируемой Фондом, для проведения исследования. Всего было отобрано 17 проектных групп (четыре – в России, шесть – на Украине и семь – в Белоруссии). После осуществления подобного отбора состоялся ряд встреч руководителей исследовательского проекта с руководителями проектных площадок, во время которых уточнялись задачи исследования, процедура его проведения, местные особенности. Особое внимание было уделено подготовке исследователей для высококачественного проведения исследования. Эта работа велась как централизованно для всех трех восточно-европейских стран – участниц проекта (проведение учебно-тренировочного семинара в Киеве в сентябре 2009 г.), так и специально для исследователей каждой восточно-европейской страны.

Проведение исследования

Исследование проводится в четыре этапа: первый этап – осень 2009 г., второй этап – осень 2010 г., третий этап – весна 2011 г. и заключительный этап – осень 2011 года. В соответствии с календарным планом проекта первый этап исследования был проведен в октябре – декабре 2009 года на четырех проектных площадках России, шести – Украины и семи – Белоруссии. Всего в первом этапе исследования приняли участие 462 пожилых респондента (в возрасте от 68 до 92 лет) и 150 молодых людей (в возрасте от 16 до 29 лет).

Были проведены стандартизированные интервью и опрос по четырем методикам для пожилых людей и по двум методикам для молодых людей. Люди участвовали в исследовании с большим интересом и энтузиазмом. В подавляющем большинстве случаев организация исследования и уровень взаимопонимания между исследователями, руководителями площадок и обследуемыми были на высоком уровне. В настоящее время в соответствии с календарным планом закончена обработка первичных данных, они готовы для детального анализа и использования в целях оптимизации дальнейшей работы. Мы планируем представить первые результаты исследования в следующих публикациях на страницах данного журнала.

Список литературы

1. *Berger P., Luckmann T.* The social construction of reality. N.Y.: Doubleday, 1966.

2. *Berntsen D., Rubin D.C.* Emotionally charged autobiographical memories across the life span: The recall of happy, sad, traumatic, and involuntary memories // *Psychology and Aging*. 2002. Vol. 17. P. 636–652.

3. *Birren J.E.* Benefits of memory priming. Effects of guided autobiography and reminiscence. Special lecture presented in March 2006 at the Joint Conference of the American Society on Aging and the National Council on Aging as part of the MindAlert program.

4. *Birren J.E., Deutchman D.E.* Guiding autobiography groups for older adults: exploring the fabric of life. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991.

5. *Birren J.E., Schroots J.J.F.* Autobiographical memory and the narrative self over the life span // *Handbook of the Psychology of Aging* / J.E. Birren, K.W. Schaie (Eds.). San Diego, Calif.: Elsevier, 2006. P. 477–498.

6. *Bluck S., Levine L.J.* Reminiscence as autobiographical memory: a catalyst for reminiscence theory development // *Ageing and Society*. 1998. Vol. 18. P. 185–208.

7. *Brandtstädter J.* Hartnäckige Zielverfolgung und flexible Zielanpassung als Entwicklungsressourcen: Das Modell assimilativer und akkommodativer Prozesse // *Entwicklungspsychologie der Lebensspanne: Ein Lehrbuch* / J. Brandtstädter, U. Lindenberger (Hrsg.). Stuttgart: Kohlhammer, 2007. S. 413–445.

8. *Brandtstädter J.* Entwicklungspsychologie der Lebensspanne: Leitvorstellungen und paradigmatische Orientierungen // *Entwicklungspsychologie der Lebensspanne: Ein Lehrbuch* / J. Brandtstädter, U. Lindenberger (Hrsg.). Stuttgart: Kohlhammer, 2007. S. 34–66.

9. *Butler R.N.* The life review: an interpretation of reminiscence in old age // *Psychiatry J. for the Study of Inter-personal Processes*. 1963. Vol. 26. P. 65–76.

10. *Coleman P.G.* Aging and reminiscence processes: Social and clinical implications. N.Y.: Wiley, 1986.

11. *Cooley C.H.* Human nature and the social order. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1902.

12. *Coupland N., Coupland J., Giles H., Henwood K.* Accommodating the elderly: Invoking and extending a theory // *Language and Society*. 1988. Vol. 17. P. 1–41.

13. *Cully J.A., LaVoie D., Gfeller J.D.* Reminiscence, personality, and psychological functioning in older adults // *The Gerontologist*. 2001. Vol. 41. P. 89–95.

14. *Dannefer D.* Neoteny, naturalization and other constituents of human development // *Self and society of aging processes* / C. Ryff, B. Marshall (Eds.). N.Y.: Springer Publishing, 1999. P. 67–93.

15. *Erikson E.H.* Childhood and society. N.Y.: Norton, 1963.

16. *Erikson E.H., Erikson J.M., Kivnick H.Q.* Vital involvement in old age. N.Y.: Norton, 1986.

17. *Fiedler K., Walter E.* Stereotyping as inductive hypothesis testing. N.Y.: Psychology Press, 2004.

18. *Freund A., Baltes P.B.* Entwicklungsaufgaben als Orientierungsstrukturen von Entwicklung und Entwicklungsoptimierung // Entwicklungspsychologie des mittleren und höheren Erwachsenenalters / S.-H. Filipp, U.M. Staudinger (Eds.). Göttingen: Hogrefe, 2005. P. 37–79.

19. *Gergen K.J., Gergen M.M.* The new aging: Self construction and social values // The evolution of the aging self. The societal impact on the aging process / K.W. Schaie, J. Hendricks (Eds.). N.Y.: Springer Publishing, 1999. P. 281–306.

20. *Goffman I.* Stigma: Notes in the management of spoiled identity. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963.

21. *Gubrium J.F., Holstein J.A., Budkholdt D.R.* Constructing the life course. Dix Hills, N.Y.: General Hall, 1994.

22. *Harwood J., Giles H., Ryan E.B.* Aging, communication, and intergroup theory: Social identity and intergenerational communication // Handbook of communication and aging research / J.F. Nussbaum, J. Coupland (Eds.). Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1995. P. 133–160.

23. *Harwood J., Ryan E.B., Giles H., Tysoski S.* Evaluations of patronizing speech and three response styles in a non-service-providing context // J. of Applied Communication Research. 1997. Vol. 25. P. 170–195.

24. *Harwood J., Williams A.* Expectations for communication with positive and negative subtypes of older adults // International J. of Aging and Human Development. 1998. Vol. 47. P. 11–33.

25. *Heckhausen J., Dixon R.A., Baltes P.B.* Gains and losses in development throughout adulthood as perceived by different adult age groups // Developmental Psychology. 1989. 25. P. 109–121.

26. *Hummert M.L.* Stereotypes of the elderly and patronizing speech // Interpersonal communication in older adulthood: Interdisciplinary research / M.L. Hummert, J.M. Wiemann, J.F. Nussbaum (Eds.). Newbury Park, CA: Sage, 1994. P. 162–184.

27. *Krappmann L.* Soziologische Dimensionen der Identität. Stuttgart: Klett, 1973.

28. *Kruse A., Schmitt E.* Lebensläufe und soziale Lebenslaufpolitik in psychologischer Perspektive // Soziale Lebenslaufpolitik / G. Naegele (Hrsg.). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2010. S. 138–173.

29. *Kruse A., Schmitt E.* A multidimensional scale for the measurement of agreement with age stereotypes and the salience of age in social interaction // Ageing & Society. 2006. Vol. 26. P. 393–411.

30. *Kruse A., Schmitt E.* Differenzielle Psychologie des Alterns // Enzyklopädie der Psychologie – Angewandte Differenzielle Psychologie / K. Pawlik (Hrsg.). Göttingen: Hogrefe, 2004. S. 533–571.

31. *Kruse A., Schmitt E.* Wir haben uns als Deutsche gefühlt. Lebensrückblick und Lebenssituation jüdischer Emigranten und Lagerhäftlinge. Darmstadt: Steinkopff, 2000. S. 286.

32. *Kruse A., Schmitt E.* Reminiscence of traumatic experiences in (former) Jewish emigrants and extermination camp survivors // Post-traumatic stress disorder. A lifespan developmental perspective / A. Maercker, M. Schützwohl, Z. Solomon (Eds.). Seattle: Hogrefe & Huber, 1999. P. 155–176.

33. *Levy B.R., Zonderman A.B., Slade M.D., Ferrucci L.* Age stereotypes held earlier in life predict cardiovascular events in later life // Psychological Science. 2009. Vol. 20. P. 296–298.

34. *Levy B.R., Slade M.D., Kasl S.V.* Increased longevity by positive self-perceptions of aging // J. of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 83. P. 261–270.

35. *Levy B., Slade M., Kunkel S., Kasl S.* Longitudinal benefit of positive self-perceptions of aging on functioning health // J. of Gerontology: Psychological Sciences. 2002. 57B. P. 409–417.

36. *Marcia J.E.* Identity in adolescence // Handbook of Psychology / J. Adelson (ed.). N.Y.: Wiley & Sons, 1980. P. 159–187.

37. *McAdams D.P., Diamond A., de St.Aubin E., Mansfield E.D.* Stories of commitment: The psychosocial construction of generative lives // J. of Personality and Social Psychology. 1997. Vol. 72. P. 678–694.

38. *McAdams D.P., Josselson R., Lieblich A.* Identity and story: Creating self in narrative. Washington: APA Books, 2006.

39. *Mead G.H.* Philosophy of the Present. Chicago: The Open Court Publishing Company, 1932.

40. *Mead G.H.* Mind, Self, and Society / Ed. by Charles W. Morris. Chicago: University of Chicago Press, 1934.

41. *Miller A.G.* Historical and contemporary perspectives on stereotyping // The eye of the beholder: Contemporary issues in Stereotyping / A.G. Miller (ed.). N. Y.: Sage, 1982. P. 1–39.

42. *Ross M., Buehler R.* Creative Remembering // The remembering self / U. Neisser, R. Fivush (Eds.). N.Y.: Cambridge University Press, 1994. P. 205–235.

43. *Ryan E.B., Giles H., Bartolucci G., Henwood K.* Psycholinguistic and social psychological components of communication by and with the elderly // Language and Communication. 1986. Vol. 6. P. 1–24.

44. *Sartre J.-P.* Das Sein und das Nichts. Versuch einer phänomenologischen Ontologie (11 Auflage). Reinbek: Rowohlt, 1993.

45. *Schmitt E.* Altersbilder und die Verwirklichung von Potenzialen des Alters // Weiterbildung in der zweiten Lebenshälfte / A. Kruse (Hrsg.). Bielefeld: Bertelsmann Verlag, 2008. S. 49–66.

46. *Schmitt E.* Altersbild - Begriff, Befunde und politische Implikationen // Enzyklopädie der Gerontologie / A. Kruse, M. Martin (Hrsg.). Bern, Göttingen, Toronto, Seattle: Huber, 2004. S. 135–148.

47. *Schmitt E.* Aktives Altern, Leistungseinbußen, soziale Ungleichheit und Altersbilder: Ein Beitrag zum Verständnis von Resilienz und Vulnerabilität im höheren Erwachsenenalter // Zeitschrift für Gerontologie und Geriatrie. 2004. 37. S. 280–292.

48. *Schmitt E., Kruse A.* Die Gegenwart des Holocaust im Erleben zurückgekehrter jüdischer Emigranten // Psychosoziale Gerontologie (Jahrbuch der Medizinischen Psychologie, Band 16). Bd. I: Grundlagen / A. Kruse (Hrsg.). Darmstadt: Steinkopff, 1998. S. 276–298.

49. *Schmitt E., Kruse A.* Soziale Identität und Lebensrückblick jüdischer Emigranten in Deutschland und Argentinien // Interdisziplinäre Gerontopsychosomatik / G. Heuft, A. Kruse, H.G. Nehen, H. Radebold (Hrsg.). München: MMV Medizin Verlag, 1995. S. 31–42.

50. *Schmitt E., Kruse A., Re S.* Auseinandersetzung mit belastenden Erinnerungen bei Überlebenden des Holocaust // Zeitschrift für Psychosomatische Medizin und Psychotherapie. 1999. Vol. 45. S. 279–297.

51. *Tajfel H.* (Ed.) Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup behavior. L.: Academic Press, 1978.

52. *V. Plato A.* Erfahrungsgeschichte – von der Etablierung der Oral History // Biographische Methoden in den Humanwissenschaften / G. Jüttemann, H. Thomae (Hrsg.) Weinheim: Beltz, 1998. S. 60–74.

53. *Whitbourne S.* The Me I know: The study of adult identity. Berlin: Springer, 1986.

54. *Windle G., Woods R.T.* Variations in Subjective Well-Being: The Mediating. 2004.

55. Role of a Psychological Resource. Ageing and Society. Vol. 24. P. 583–602.